

Николай
Болошнев

АЯНА

ПУТЕШЕСТВИЕ
К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ

Степь дает дар.
И забирает все остальное.

Окно в Россию

Николай Болошнев

Аяна. Путешествие к центру земли

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Болошнев Н.

Аяна. Путешествие к центру земли / Н. Болошнев — «Эксмо»,
2026 — (Окно в Россию)

ISBN 978-5-04-247083-7

Аяна — обычная девочка из Улан-Удэ. Её жизнь почти не отличается от жизни сверстниц: школа, семья, привычный мир. Вот только болеет она слишком часто... Врачи безуспешно ищут диагноз, а мать всё яснее понимает: это не болезнь, а дар — тот, что однажды разделит жизнь на «до» и «после». Аяну отправляют к бабушке в бурятскую деревню у Байкала — туда, где до сих пор говорят с духами. Здесь начинается её шаманский путь: жёсткий, безжалостный, настоящий. Она учится быть проводником между мирами, но быстро понимает — сила требует высокой цены. И чем старше и сильнее становится Аяна, тем очевиднее: дар — это не только наследие, но и опасность. Рано или поздно ей придётся сделать выбор — остаться инструментом в чужих руках или самой определить границы между мирами. «Аяна. Путешествие к центру земли» — тёмный роман взросления, в котором бурятская мифология становится живой реальностью. История о силе после травмы, утрате и возвращении к себе — на фоне суровой и завораживающей природы Байкала.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247083-7

© Болошнев Н., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Часть I. Необычная болезнь	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Болошнев

Аяна. Путешествие к центру земли

© Болошнев Н., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Даше

*В тяжелом походе душа спит.
Иван Ефремов. Алмазная трубка*

Часть I. Необычная болезнь

Глава 1

«За миллионы лет до разделения континентов и появления человека на будущей территории нашей страны происходили геологические процессы, которые изменили судьбу всего мира. Как считают ученые, именно в результате извержения древних сибирских вулканов и связанного с ним выброса углекислого газа на нашей планете вымерли почти все живые организмы. Застывшая лава образовала базальтовые породы, часто в форме огромных ступеней. Геологи называют их траппами. Именно они определили рельеф огромных пространств южнее Таймырского полуострова.

Однако, как говорится, нет худа без добра. Эта доисторическая трагедия подарила советскому народу несметные богатства – алмазные месторождения в виде так называемых кимберлитовых трубок. Даже уже разведанных запасов хватит для того, чтобы обеспечить алмазами советскую промышленность на сотни лет вперед. При этом геологи считают, что таких месторождений на просторах Восточной Сибири еще очень много...»

А. Шаров. Страна девяти рек.

Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1963

Натянутое, как мембрана, бескрайнее полотно цвета разбавленного водой молока. Оно как будто подсвечено с обратной стороны и кажется полупрозрачным, но невозможно разглядеть ничего, что происходит за ним, – только смутные тени и очертания прислоняемых предметов. Сколько ни вглядывайся, не поймешь, что именно видишь. К тому же мешает бесконечный монотонный гул, словно за полотном дует очень сильный ветер. От него голова становится чугунной, переливается оттенками боли. Тут не до игры в угадайку, сдержать бы тошноту и не потерять сознания.

Однако надо знать Аяну¹, если этой девочке что-то взбрело в голову – никогда не отступит. Она продолжает вглядываться в белую гибкую стену, едва не проваливаясь в черное липкое забытие. Смутно проступают очертания чего-то большого, продолговатого, округлого. Похоже на какую-то часть тела. Может быть, это бедро? Или большой живот, как у беременной женщины. Аяна напрягается из последних сил, чтобы вглядеться в прислоненный к полотну силуэт. Кажется, что еще немного – и она разгадает его загадку...

Внезапно что-то холодное и мокрое, словно рыбий хвост, шлепнуло ее по лицу. От неожиданности у Аяны перехватило дыхание, она с громким хрипом схватила ртом воздух и проснулась. Перед ее глазами оказались размытые очертания озабоченного лица мамы, поправляющей компресс. Рядом в белом халате со скужающим видом стоял Алексей Николаевич, врач из районной поликлиники – частый гость в их доме.

– Наконец-то очнулась... – прошептала мама.

– Татьяна, к сожалению, я ничего нового вам не скажу – это не грипп, не инфекция, – усталым голосом сказал врач. – Даже на простуду не похоже. Скорее, что-то вроде сильной аллергии, у нее такое уже случалось. Вы убрали все раздражители, о которых мы говорили?

– Конечно, еще после первого случая – все цветы раздали, ковры повыкидывали. Пол каждый день моем.

¹ Имя переводится как «путешествие» или «путешественница» (*бурят.*).

– Животных дома нет? Может, заходит соседская кошка или Аяна на улице с ними играет?

– Да нет, она и на улице-то почти не бывает, все время болеет...

– А вот это плохо, – покачал головой Алексей Николаевич. – Ребенку нужен свежий воздух. Как жар спадет, выводите ее хотя бы на балкон.

Аяна сделала вид, что заснула, и продолжила слушать.

– Спасибо, постараемся... – Заметив, что дочка закрыла глаза, мама заговорила тише. Аяна слышала, как она встала со стула и с тревогой и надеждой спросила у доктора: – И все-таки, что нам делать? Не может же ей быть плохо просто так? Это уже третий раз с начала года, в школе грозятся ее отчислить за непосещаемость.

Алексей Николаевич молчал несколько секунд. Когда врач заговорил, было слышно, что он немного смущен тем, что не может поставить диагноз.

– Понимаете, в чем дело, Аяна как бы сама вызывает у себя такое состояние. Ее иммунитет из всех сил сопротивляется какому-то раздражителю, но вот какому... К сожалению, наша региональная медицина тут не поможет, необходимо всеобъемлющее обследование. По-хорошему, нужно везти девочку в Москву, в Институт иммунологии, там смогут поставить диагноз. Если хотите, я поговорю с нашими врачами, поможем вам встать в очередь.

– А сколько ждать?

– Квоты у них небольшие, так что боюсь, что долго, может, больше года. Конечно, можно и платно, тогда – хоть завтра.

– У нас нет таких денег, – тихо сказала мама, как будто слегка осипшим голосом. Аяна поняла, что она сдерживает слезы, и сама из всех сил зажмурилась, чтобы не расплакаться и не выдать себя.

– Я понимаю... Давайте все же попробуем поставить вас в очередь. Может быть, повезет, и она будет не слишком длинной. А пока помогите Аяне немного окрепнуть. Прогулки, закаливание, спорт – все, что способно укрепить иммунитет. Если есть родственники в деревне, отправьте девочку туда на каникулы, может так случиться, что за лето все само пройдет. Сами знаете, какая у нас в Улановке² экология.

– Хорошо, Алексей Николаевич, я тогда с мужем посоветуюсь насчет Москвы, решим, как лучше поступить.

Аяна услышала стеснительный шорох купюры.

– Ну что вы, Татьяна, это лишнее...

– Возьмите, пожалуйста, вы всегда к нам так внимательны и добры.

Купюра зашуршала вновь. Видимо, скрылась в кармане доктора.

– Благодарю. В общем, вы мне позвоните, как решите с больницей, и мы сразу начнем действовать.

– Спасибо. Пойдемте, я вас провожу.

По полу прошаркали две пары тапочек, в комнате стало тихо. Далеко, как будто за много километров от их квартиры, щелкнул замок входной двери. Через полминуты вернулась мама, села на стул у кровати и беззвучно заплакала. Аяна чуть приоткрыла глаза и протянула ей руку.

– Не плачь, мамочка, я поправлюсь, обещаю.

Мама поцеловала ее ладонь, и Аяна почувствовала на коже холодные слезы.

– Конечно, ласточка, все обязательно будет хорошо.

Они обнялись и поплакали вместе. Потом мама забралась на кровать, положила голову дочери к себе на колени и стала читать вслух книгу бурятских сказок. Как и всегда во время чтения, мама увлеклась и не заметила, как дошла до легенды про Хоридоя и девушку-лебедь, которая всегда расстраивала Аяну. Девочка была слишком слаба, чтобы прервать ее, и покорно

² Т. е. Улан-Удэ.

дослушала сказку до конца. Только дочитав ее, мама вдруг словно спохватилась, закрыла книгу и посмотрела на дочку.

– Все в порядке, Аянчик?

– Мама, почему девушка-лебедь улетела, как только Хоридой вернул ей крылья? Она же его любила, и у них было так много детей... Им же наверняка было без нее очень трудно и плохо. Неужели ей не захотелось остаться с семьей?

Татьяна улыбнулась и потрепала спутавшиеся от подушки волосы дочери.

– Это просто сказка, ласточка, в жизни она, конечно же, осталась бы на земле. Может, иногда бы летала на своих крыльях, но не долго, пока детки не проголодаются. Вот и нам пора обедать. Пойдем на кухню.

Аяна кое-как одолела тарелку куриного супа с лапшой, посмотрела в кровати мультики и вновь уснула. Проснулась уже вечером, от раздававшихся с кухни отголосков громкого разговора – родители о чем-то ожесточенно спорили. Аяна напрягла слух, но смогла разобрать лишь отдельные папины фразы, мама говорила тихо, но с нажимом. Хотя она явно старалась сдерживаться, чтобы не кричать, даже сквозь стену было слышно, как она сердится.

– ...какая Москва, ты с ума сошла? Мы где на это деньги возьмем? Пусть лечится у нас в городе, а еще лучше пусть прекратит симулировать. Тебе врач сам сказал, что это не грипп, не простуда – она притворяется, чтобы в школу не ходить. В моем детстве такое ремнем лечили, очень действенное средство!

Мама отстучала в ответ какую-то фразу. В ее голосе было столько злости, что Аяна испугалась сильнее, чем от криков отца. Хотелось немедленно исчезнуть, испариться, только бы не слышать больше родительской ссоры.

– Какой иммунитет, ты о чем? – продолжал кипятиться папа. – Это все от больной головы, она себя накрутила и теперь лежит, кукуется все время. Это все твоя кровь, у нас в роду такого не было. Говорили мне родные, что ты с приветом, не послушал, теперь разгребаю! Что ты шизанутая, что дочь твоя!

Со звоном ударилась об пол чашка или тарелка. Мама повысила голос, но Аяна уже не слушала. Как в бреду, она вскочила с кровати, выбежала в коридор, сунула ноги в сапоги и, как была, в одной пижаме выскочила на лестницу. Вихрем пролетели мимо лестничные пролеты: один, два, три, четыре, пять. Хлопнула тяжелая подъездная дверь, и вот она уже на улице. Холод тоненькими иголками впился в тело. Вечерний двор был заполнен сугробами рыхлого мартовского снега, лежащими на скамейках, кустах, крышах машин. В свете единственного тусклого фонаря все они казались частью одного огромного серого кома. Аяна замерла на секунду, затем сделала несколько неуверенных шагов. Ком закрутился и покатился на нее, норовя раздавить. Закружилась голова, Аяна споткнулась и едва удержалась на ногах.

В ту же секунду во дворе вдруг поднялся теплый ветер. Он налетел внезапно и закрутил вихрь пронзительно-яркого, искрящегося снега, какой бывает только в деревне. Вихрь этот рос и креп, словно смерч поднимаясь от земли в небо, и когда его воронка почти достигла крыши их пятиэтажки, из нее на полном скаку вылетел белоснежный конь.

Спустя долю секунды он уже был у подъезда. Из его широких ноздрей шел теплый мягкий пар.

Не в силах отвести взгляд, Аяна смотрела на коня, а конь рассматривал ее большими карими глазами. Наконец, достаточно изучив девочку, он моргнул и склонил перед ней шею. Аяна схватилась за его белоснежную гриву, конь оттолкнулся копытами и взлетел. В то же мгновение в глазах потемнело. Кажется, Аяна потеряла сознание.

Ее закружил мутный поток образов из прошлого. Одни были недавними, другие – из далекого детства, третьи – слишком размытыми, чтобы понять, были ли они взаправду, или их домыслило ее воображение. Вначале Аяна словно оказалась внутри светлого живого кокона,

пульсирующего в такт ее сердцу. Вдруг кокон сжался, в него ворвался некомфортный яркий свет. Картинка сменилась.

Она лежит в кроватке в комнате с низким потолком. Над ней каруселью крутятся игрушки – облако, месяц, солнце. Аяна смотрит на них, и ей кажется, что вместе с ними кружится вся комната, закругляясь по углам и превращаясь в огромный шар, в центре которого лежит она. Стоит ей повести рукой – шар направляется вслед за ее движением. Аяна смеется и крутит пространством, пока не убаюкивает сама себя и не засыпает.

Ей семь лет, она учится в первом классе. Урок арифметики, Клавдия Федоровна объясняет основы устного счета, но Аяна не слышит ее – голос учительницы становится все тише и глуше, будто она говорит из бочки. Девочка, как завороченная, смотрит на качающиеся за окном лысые ноябрьские ветви. Ей кажется, что они машут только ей, зовут ее. Как же хочется выйти на улицу и подойти к дереву, узнать его тайну. Однако вместо этого над ней нависает огромное тело учительницы, которая что-то строго ей выговаривает. Аяна поднимает на нее пустой непонимающий взгляд, и это еще больше раздражает Клавдию Федоровну. Она больно берет ее за руку, вытаскивает из-за парты, ведет к доске и дает в руки мел. Аяну поражает его чистота и богатство текстуры – множество пор и неровностей. Внезапно идеальную белизну мела нарушает красное пятно, секунду спустя рядом с ним возникает еще одно. Аяна поднимает ладонь к носу – под ним тепло и мокро, во рту приятный железистый вкус. Она теряет сознание и мягко оседает на пол.

Теперь она почти подросток, идет по школьному коридору, стараясь как можно быстрее добраться до класса. Закончилась любимая химия, впереди нелюбимый английский. Зачем он ей нужен? Ведь ясно же, что не поедет никуда. У колонны стоит компания «крутых» старшеклассниц из девятого «Б». Аяна съеживается, ссутуливается и упирает взгляд в вытертый линолеум, словно пытается стать невидимкой. Она почти проходит их, но внезапно теряет равновесие и плюхается на пол, больно ударившись подбородком. В глазах – звезды, над головой – гиеновый смех подростков.

– Что, в ногах запуталась, чувырла? Смотри, куда идешь! – говорит красивая девочка Балма под одобрительное улюлюканье подружек. Она дочка крупного лесопромышленника, главного спонсора всех ремонтов в школе.

С трудом преодолевая головокружение, Аяна поднимается на колени и принимается собирать рассыпавшиеся учебники.

– Это где ты рюкзак такой откопала? Долго пришлось по помойкам шарить?

Аяна не отвечает и даже не смотрит в сторону обидчицы, но это не помогает. Ее бездействие только подстегивает хулиганов, они обступают девочку, пихают ее, отнимают книги и тетрадки. Высокая не по годам Ленка сильно дергает за рукав связанного мамой пестрого свитера, под мышкой раздался треск.

– Посмотрите, что на ней надето! Это что, из тряпки половой шито?

Аяне обидно до слез, она выхватывает руку и замахивается на обидчицу, но сильный толчок тут же вновь сбивает ее с ног. Другая девочка кричит: «Давай, давай, задай ей!» Кто-то пинает ее кроссовкой в бедро. Дыхание перехватывает, исчезают звуки.

Аяна словно смотрела на себя со стороны. Старшеклассницы наносили неловкие удары руками и ногами, но они соскальзывали, не причиняя боли, будто она была покрыта броней. Через несколько секунд сердце восстановило ритм, Аяна поднялась на ноги и толкнула Лену в грудь. Та отлетела в сторону и ударилась спиной о колонну. Остальные девочки в ужасе отшатнулись. Аяна стояла посреди коридора, окруженная испуганными старшеклассницами, из-за спин которых, словно из-под воды, глухо раздалось:

– Бадмаева, срочно к директору!

Старшеклассницы расступились, открывая дорогу шкафообразной женщине-завучу. Та схватила Аяну за шиворот и потащила по коридору. Девочка не сопротивлялась. У директора

Аяна все еще была в том странном состоянии, в которое ее погрузила драка, поэтому их разговор ей не запомнился. Она не испытывала никаких эмоций. Только в ушах гудело, как будто туда залетел ветер и не нашел дорогу обратно. Запомнились слезы матери и возмущенная отповедь отца вечером. Их она тоже наблюдала отстраненно, как в кино. Скандал тогда замяли, но за Аяной закрепилась репутация «ненормальной». Дети в школе обходили ее стороной, друзей не было. Впрочем, так было даже лучше – никто не мешал ей проводить больше времени в спокойном волшебном мире, в который ее время от времени погружали предметы, запахи, звуки. Она жалела лишь об одном – что не могла оказываться в нем по собственному желанию.

Очередная смена картинки, текущий учебный год. Маме кто-то позвонил, она заперлась на кухне и через минуту вышла с бледным, как снег, лицом. Аяна пыталась узнать у нее, что случилось. Она отнекивалась, мол, все хорошо, просто живот болит. Через два дня мама вдруг начала собирать сумку, сказала, что уедет в родной поселок по делам и вернется завтра с первым автобусом. Папа схватил ее за руку и утащил в комнату. Они долго ругались за дверью, Аяна пыталась подслушивать, но так и не поняла, что же произошло. Ей запомнилась только папина фраза: «Ты что, хочешь, чтобы это перешло на тебя? Еще не хватало, чтобы ты заразилась этой дурью!»

Аяна тогда сильно удивилась. Разве можно заразиться глупостью? Это же не болезнь, ты либо дурак, либо нет, а мама точно не дура. Даже наоборот – самая умная из всех, кого она знает.

После часа криков и уговоров мама все же осталась дома, но тихонько прорыдала всю ночь. Аяна слышала ее всхлипы, ей хотелось лечь рядом и обнять ее, но она боялась разбудить папу. Вдруг ссора начнется по новой? Тогда вообще неизвестно, чем все закончится, а так мама хотя бы с ними, хоть и грустит.

Тогда же Аяна впервые серьезно заболела. Это произошло на девятый день после странной попытки мамы уехать. Вроде и осень была не холодная, и вирус в школе никакой не гулял, но Аяну буквально скосило. Вначале кровь из носа и привычный обморок в классе. После – резкий, до сорока градусов скачок температуры. Это было что-то новенькое. Хотя симптомы не совпадали, лечили как от гриппа.

Через неделю болезнь внезапно прошла. Аяна встала с утра и как ни в чем не бывало пошла на кухню завтракать. Мама с папой очень обрадовались такому стремительному выздоровлению, но вскоре болезнь вернулась.

С тех пор, к недоумению врачей, Аяна болела едва ли не каждый месяц. Маме перестали давать больничный на работе. В школе завуч с директором сначала отнеслись к ее состоянию с сочувствием, но, по мере того как ухудшалась и без того не блестящая успеваемость, стали все чаще намекать на то, что девочку надо перевести в интернат. Накануне своего бегства Аяна даже сквозь бред слышала, как мама по телефону вежливо отказывалась от этого предложения.

* * *

Очнулась Аяна в больничной палате. Прежде чем открыть глаза, она вновь видела белую мембрану, только теперь очертания за ней были гораздо отчетливее. Аяне казалось, что она видела коня, который вчера спас ее от мороза. Или все это был очередной сон? Аяна не могла сказать точно, что из событий последних дней было реальным, а что – плодом разгоряченного болезнью воображения. Собственно, вначале, когда она увидела белый больничный потолок, ей показалось, что она все еще спит. Лишь тихие переговоры соседей по палате и шум из коридора понемногу вернули ее в действительность.

Никого из родных не было рядом, но в кровати с ней лежала любимая кукла – «Барби» с оторванной ногой. На тумбочке Аяна нашла две бутылки минеральной воды и упаковку конфет «Маска». Сжалось сердце – получается, мама приходила, но не дождалась ее пробуждения.

Пачка конфет была открыта и наполовину пуста. Наверняка кто-то соседей воспользовался ее сном, чтобы полакомиться чужими гостинцами. Подозрительнее всех выглядела крупная, похожая на сердитый мешок с тряпками бурятская бабушка, которая лежала рядом. Заметив, что девочка очнулась, она демонстративно взяла со своей тумбочки спицы и принялась что-то увлеченно вязать. Впрочем, Аяна не сильно расстроилась из-за пропажи – много сладкого все равно не съесть. Плохо слушающимися ватными пальцами она развернула конфету и, медленно разжевая, запила шипучей водой.

Две другие соседки лениво обернулись на Аяну и продолжили свой разговор, в котором они расписывали друг другу достоинства своих детей. В соседней палате включили радио, сначала шли новости, потом выступал какой-то астролог. Рассказал, что в середине февраля наступит Новый год по восточному календарю. Две тысячи седьмой – год Красной Огненной Свиньи, он принесет перемены, многие будут чувствовать себя растерянными. Предстоит научиться жить по новым правилам, ведь старые больше не работают.

«Так себе прогноз, – подумала Аяна. – Я и к старым-то правилам не успела приспособиться, а тут новые».

Привезли обед – сестра со шлепком вывалила из кастрюли на тарелку жидкое картофельное пюре и положила рядом бледную куриную котлету. Аяна выпила компот и поковырялась вилкой в больничной еде – проснувшийся было аппетит быстро улетучился. Она посмотрела в окно – на фоне бледно-серого неба чернели голые ветви какого-то дерева.

«Тоска зеленая», – сказал мужской голос за спиной.

Аяна обернулась – все соседи увлеченно поедали свои порции. Мужчин в палате не было.

«Показалось, наверное», – подумала девочка.

«Еще и кормят дрянью какой-то. Поскорее бы отпустили домой. Мама наверняка приготовит буузы³ по такому случаю», – вновь сказал голос.

Аяне стало не по себе. Мало того, что с ней говорил кто-то невидимый, так он еще и знал что-то про ее маму.

– Ты кто? – спросила она вслух.

Соседки по палате дружно перестали жевать и с недоумением посмотрели на Аяну.

– Совсем плохо девочке, – с притворным сочувствием сказала одна из мам, женщина лет сорока в цветастом сарафане, и добавила, обращаясь к Аяне: – Доченька, ты бы поспала.

Аяна промолчала, и остальные женщины вскоре потеряли к ней интерес. Лишь толстая бабушка как-то подозрительно поглядывала на ее тарелку с нетронутой котлетой.

«Вслух не надо ко мне обращаться, только людей распугаешь», – с укоризной заметил мужской голос. – Говори про себя, как если бы книжку читала. Мы с тобой виделись вчера у подъезда».

«Так ты что же, тот самый белый конь?» – с восторгом подумала Аяна.

«Да, ты так меня видишь. А вообще я дух твоего дальнего предка, ты призвала меня на помощь, вот я и пришел».

«Это как же я тебя позвала, я ведь про тебя и не знала даже...»

«Вот уж не знаю, это ты должна мне сказать. Я просто услышал зов и откликнулся. Вообще могла бы и спасибо сказать – если бы не я, ты бы замерзла на улице».

«Спасибо тебе огромное! Получается, ты меня спас. А как тебя зовут, дорогой конь... то есть предок? У тебя же есть имя?»

Конь фыркнул ноздрями от смеха.

³ Традиционное блюдо бурятской, монгольской и тувинской кухни. Мясной фарш либо рубленое мясо, завернутое в пресное тесто и приготовленное на пару. По форме буузы схожи с хинкали или мантами.

«Конечно, есть. Только ты его никому не называй, пусть только мы с тобой знаем. Иначе плохие люди могут им воспользоваться, и я не смогу нас защитить. Зовут меня Дамдинцэрэн»⁴.

«Дам-дин-цэ-рэн, – повторила по слогам Аяна. – Какое красивое имя».

– Девочка, ты котлету будешь есть? – прервала их диалог бабушка.

Аяна рассеянно посмотрела на нее:

– Что? Нет, не буду. Возьмите, если хотите.

– Вот спасибо, дорогая, а то я тут никак не наемся. Порции крохотные, наверняка повара половину мяса воруют.

Аяна протянула ей свою тарелку. Бабушка ловко схватила котлету двумя пальцами. В эту секунду дверь палаты скрипнула, вошли взволнованные родители. Увидев сцену передачи котлеты, папа нахмурился.

– Это что тут происходит? Вам не стыдно ребенка объедать? – сурово спросил он.

– Так а что еще пропадать, если она не хочет? – моментально парировала бабушка.

– Это она сейчас не хочет, а потом захочет. Верните котлету!

Бабушка быстро запихнула котлету в рот целиком и с довольным видом показала папе кукиш.

– Старая карга... – прошипел он.

– Папа, не ругайся, я правда сама уступила, – вступилась за старушку Аяна.

– Ну и зря! – рассерженно воскликнул папа. – Тебе надо есть, чтобы поправиться! Как иначе ты сил наберешься? Небось конфет натрескалась, как обычно, вот аппетит и потеряла.

При этих словах он кивнул на полупустую пачку «Маски». Аяне стало обидно до слез, ведь она съела только одну конфету, но она решила не сдавать бабушку и, насупившись, промолчала.

– Ладно, Саян, успокойся, – сказала Татьяна, садясь на край кровати дочери. Мама была такой легкой, что кровать даже не скрипнула. – Мы все равно принесли гостинцев, Аянчик не пропадет. Как ты себя чувствуешь, ласточка?

– Хорошо, только проснулась. Долго я спала?

– Почти сутки. Мы очень беспокоились. Извини, если тебя расстроили, мы не хотели. Просто взрослые иногда эмоционально разговаривают, это не значит, что они друг друга не любят или что что-то не так. Пожалуйста, не убегай больше, это может быть опасно. Мы с папой за тебя переживаем.

– Конечно, мама. Я уже и не помню, что вчера было. Может, я, как лунатик, во сне ходила, – соврала Аяна.

Мама как будто немного приободрилась после такого ответа дочери.

– Хорошо, что ты до улицы не добежала – по таким холодам могла вмиг замерзнуть. Мы тебя в подъезде нашли, ты там прямо на картонке грязной уснула.

Аяна оживилась:

– Так вот что случилось, он занес меня в дом!

– Кто занес? Какой-то мужик? – обеспокоенно спросил папа.

– Да нет, не мужик – белый конь, он подхватил меня возле подъезда, когда я выбежала.

– Что?! Какой еще конь?! Чего ты врешь! – кипятился папа.

Мама подняла ладонь, призывая его помолчать. Она внимательно посмотрела на Аяну:

– Ласточка, а этот конь с тобой разговаривал? Называл свое имя?

Девочка потупила взгляд.

– Говорил, но что – не помню. Я быстро отключилась. Его зовут... – Аяна вспомнила наказ Дамдинцэрэна и осеклась. – Имя я не запомнила. Но он добрый, он мне очень помог.

⁴ Имя переводится как «долгая жизнь имеющего шею лошади» (*бурят.*).

– Опять твои выдумки! – не удержался папа. – Seriously вообще можешь говорить?! Ничему тебя жизнь не учит. Ты понимаешь хоть, что умереть могла?! А все одно, шутки с родителями шутит, загадки выдумывает. Вся в мать.

Громко хлопнув дверью, отец вышел из палаты. Соседки Аяны многозначительно переглядывались, им явно было интересно наблюдать за разворачивающейся драмой. Мама взволнованно смотрела на дверь, пару секунд она колебалась – догонять папу или нет. Внутренняя борьба разрешилась в пользу дочери, она обернулась к ней и вымученно улыбнулась.

– Не обращай внимания, Аянчик, папа просто переживает, вот и говорит всякие вещи обидные. Все с тобой в порядке, и то, что ты коня видела, это нормально – в твоём возрасте у детей часто бывают воображаемые друзья. У меня тоже был, – тихо добавила мама, чуть помолчав.

– Правда? – оживилась Аяна и приподнялась на подушке. – А у тебя кто был?

– Не помню уже, ласточка, давно это было, – замаявшись, ответила мама. – Может, тоже конь, как у тебя.

Татьяна подмигнула дочке и принялась щекотать ей пятки. Аяна звонко рассмеялась.

– Ладно, доченька, я пойду, пока папа один не уехал. Доктор сказал, что у тебя все в порядке, завтра уже выпишут, мы приедем тебя забрать. А пока отдохни, покушай хорошенько, я тебе привезла кое-что, вместо еды больничной.

Мама достала из сумки плотно завернутую в полотенце эмалированную кастрюлю и поставила ее на тумбочку.

– Ого, что это? – удивилась Аяна.

– Сюрприз! Посмотришь, когда я уйду. Ну все, Аянчик, веди себя хорошо, завтра увидимся. Если что, пиши мне!

– Хорошо, конечно, мамочка.

Татьяна поцеловала дочку в лоб, сжала на прощание ее руку и встала с кровати. Аяна заметила, что, хотя мама старалась идти неспешно, в ее шагах была какая-то сдерживаемая напряженность. словно кто-то сжал внутри нее большую пружину, которая резко разожмется, стоит маме выйти за дверь, и она побежит догонять папу. От этого стало грустно и немного противно. Чтобы отогнать от себя эти мысли – есть ей по-прежнему особо не хотелось, – Аяна развернула гостинец. Палата наполнилась душистыми запахами мяса и лука – в кастрюле, аккуратно уложенные, были идеально ровные мамины буузы. Они были еще теплыми, над кастрюлей поднимался ароматный пар.

– Угощайтесь, здесь на всех хватит, – предложила Аяна соседкам.

Соседки-болтушки с гордым видом отказались и, взяв свои чашки, вышли в коридор. Бабуля же с неожиданным для ее комплекции проворством пододвинулась поближе к Аяне и жадно запустила в кастрюлю пухлую руку.

– Ох как хороши, давно таких бууз не едала, – приговаривала она, с хлопаньем выпивая бульон. – Спасибо, доченька, уважила, – сказала бабушка, тяжело дыша, когда все буузы были съедены.

– Пожалуйста. Вы, похоже, сильно проголодались?

– Еще бы! Я тут неделю на их супах и пюрешках сижу, уже готова целого барана съесть! – Женщина зычно рассмеялась.

Аяна вежливо улыбнулась. По правде сказать, она не очень представляла, сколько мяса в одном баране – много или мало.

– Я краем ухом слышала, что тебе недавно конь являлся, это правда? – спросила она после небольшой паузы.

– Правда, – тихо ответила Аяна.

– Ты меня можешь не стесняться, я тебе верю. Тот, кого ты видела, не просто животное, и никакой это не друг воображаемый. Это гость из верхнего мира. Похоже, что у тебя дар, от того и болеешь, что ему выхода нет.

– А что это за дар?

Бабушка засмеялась и вся буквально заколыхалась своим огромным мягким телом.

– Ох какие вы в городе смешные. В тебе есть сила предков, они через тебя говорят. Но нужно научиться с ними общаться, иначе только хуже себе сделаешь, дар не в пользу, а во вред пойдет. Это непросто, тут хороший наставник требуется...

– Где же мне его найти? – взволнованно спросила Аяна.

– Вот уж не знаю, деточка, но точно не в городе – тут грязное место, кругом нижние духи шныряют. Тебе бы с опытными людьми пообщаться, кто путешествует...

В этот момент открылась дверь, гремя каталкой, вошла нянечка и стала собирать посуду. Следом за ней в палату бесшумно проскользнул молодой ординатор. Заметив на тумбочке кастрюлю, он поморщился, но ничего не сказал. Ординатор забрал Аяну на процедуры. Когда она вернулась, бабушка уже спала.

Аяна долго вертелась в кровати, надеясь, что бабушка проснется и все-таки расскажет, где ей взять наставника. Да и нужно ли – она ведь и в школе с трудом справляется, а тут какое-то отдельное обучение. Зачем оно ей? Жила себе спокойно и не знала ни про какой дар, а теперь, получается, нужно его развивать. С другой стороны, здорово было бы иметь тайного друга из мира духов. А еще – путешествия, про которые говорила соседка. Получается, нужен кто-то побогаче, кто ездит по стране и за границу? Сплошные вопросы, совсем нет ответов.

Потом выключили свет, мысли стали путаться, Аяна обняла куклу и постепенно уснула. Когда же она проснулась, бабушки на соседней кровати уже не было. Две другие соседки вновь болтали о детях, как будто их вчерашний разговор и не прерывался на ночь. На вопрос Аяны о том, куда исчезла бабушка, одна из них бросила через плечо: «Выписали», – и повернулась обратно к собеседнице.

Аяна вскочила с кровати и выбежала из палаты. По коридору медленно ходили пациенты, на медицинском посту скучала за столом тощая седая сестра в белом халате. Бабушки нигде не было. Аяна расстроилась, вернулась в палату и закопалась в одеяло, как в сугроб, чтобы не слышать соседской трескотни.

Вскоре пришла мама, поговорила с лечащим врачом, забрала бумаги и сунула конверт. Затем помогла Аяне одеться и собрать вещи. Папа ждал их в машине перед больницей. Видимо, они собирались дольше, чем ему бы хотелось, потому что он нетерпеливо побибикал, как только увидел их на лестнице. Домой ехали молча. Сначала Аяна хотела рассказать маме про разговор с бабушкой, когда они останутся наедине, но у нее не хватило терпения, и она прошептала:

– Мама, бабушка, с которой вы вчера ссорились, оказалась такой интересной. Она мне сказала, что у меня дар и нужен учитель, чтобы его развивать. Только потом она заснула, и я не успела спросить, где бывают такие учителя. Как ты думаешь, ее можно как-то найти?

– Трудно сказать, а как звали бабушку?

– Не знаю, я не спросила... – тихо ответила Аяна.

Папа посмотрел на дочь в зеркало заднего вида и насмешливо фыркнул. Мама погладила Аяну по голове.

– Не переживай, ласточка, попробуем все равно ее отыскать. А что это за талант, про который она говорила? – осторожно спросила Татьяна.

– Ой, не знаю, про это она тоже рассказать не успела, – быстро соврала Аяна и отвернулась к окну. Сердце забилося очень быстро, ей стало душно.

– Наверное, у тебя дар сказки рассказывать, – прокомментировал папа. – Вечно всякие глупости сочиняешь.

– Саян, не надо... – попросила его мама.

– Ну а что, скажешь, не так? В чем я не прав?

Родители вновь принялись выяснять отношения, но на этот раз Аяна была даже этому рада. По крайней мере, теперь не придется отвечать на вопросы про разговор с бабушкой, а значит, папа с мамой не смогут высмеять ее дар. Только бы поскорее добраться до дома и спрятаться под одеяло, а там она наверняка сможет обо всем поговорить с Дамдинцэрэном.

Доехали быстро. Папа всегда сильно гнал автомобиль, когда злился. Молча поднялись в квартиру и разошлись по комнатам, все, как Аяна хотела. Теперь до обеда она была предоставлена самой себе. Быстро раздевшись и побросав вещи на пол, она прыгнула в кровать и смастерила себе из одеяла импровизированную юрту. Забравшись туда с головой, она мысленно позвала своего волшебного помощника. Конь долго не появлялся, но Аяна упорно сидела под одеялом. Только когда от темноты и пыли зачесались глаза, а голова начала кружиться от духоты, она услышала фырканье его ноздрей.

«Дамдин⁵, ты слышал, что сказала бабушка в больнице? – От радости Аяна едва не спросила его вслух. – Она не обманула меня? У меня правда есть дар? А учитель мне нужен или я могу сама научиться?»

«Слышал, слышал. Все правда, у тебя сильный дар, поэтому ты со мной и говоришь. Только его еще нужно развить, сама ты не справишься. Он тебя раздавит. – Голос Дамдинцэрэна звучал взволнованно. – Бабка из больницы тебе не нужна, наставник найдется в нужный момент, только очень прошу, будь осторожна. Тебе сейчас нужно себя беречь, а ты говоришь слишком много лишнего. Родители желают тебе добра, но из лучших побуждений могут тебя загубить».

«Так я вроде ничего такого и не сказала. И вообще, я думала, что ты как друг за меня порадуешься», – обиженно ответила Аяна.

«Я очень за тебя рад, правда. Тем более что я про твой дар узнал раньше тебя. Только вот людям в городе он непонятен. Они могут решить, что ты странная, болееешь чем-нибудь. Понимаешь, что будет потом?»

«Они начнут меня лечить», – с ужасом подумала Аяна.

«Вот именно. Тогда ты никогда не узнаешь, на что способна, да и меня больше не увидишь».

«И что же мне делать?»

«Просто будь потише. Ходи в школу, делай уроки, чтобы у родителей и учителей не было к тебе вопросов. И никому не говори о том, что тебе снится, какие мысли приходят в голову, и особенно про меня. Как-нибудь дотерпи до лета, там будет легче, обещаю».

От слов Дамдинцэрэна стало грустно. Аяна немного поплакала и уснула. Когда спустя час мама пришла позвать ее на обед, девочка уже крепко спала. Татьяна не стала ее будить, лишь аккуратно переложила ее голову на подушку и поправила одеяло. Задернула шторы, присела на край кровати и пару минут молча смотрела на смешно посапывающую дочь. На щеках Татьяны блеснули слезы.

⁵ Упрощенная версия имени Дамдинцэрэн.

Глава 2

«...особенно перспективным с точки зрения поиска алмазных трубок выглядит Сибирская трапповая провинция – загадочное плато Путорана, расположенное в Красноярском крае. Это одно из самых труднодоступных и малоисследованных мест нашей страны. Именно туда по заданию Министерства геологии СССР и отправился отряд ленинградских геологов под руководством Владимира Кочетова. В него вошли боевой товарищ начотряда радист Кирилл Маркевич, горный инженер Николай Баринов, опытный маркиейдер и бывший донецкий шахтер Михаил Павлович Марченко, а также рабочий Валерий Смирнов. Самым младшим в группе был девятнадцатилетний студент Горного института Вася Образцов, устроившийся в партию разнорабочим, чтобы набраться опыта и подзаработать. В Норильске к группе должен был присоединиться местный проводник – охотник Алексей Карманов...»

А. Шаров. Страна девяти рек.

Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1963

Аяна проболела весь февраль и вернулась в школу после Восьмого марта. Ей даже не досталось подарка. В апреле она снова заболела. Поскольку большую часть программы Аяна пропустила, ее оставили на второй год. Папа рвал и метал, грозился отдать ее в интернат для умственно отсталых. Мама орала на папу, что это она его сдаст в психушку.

Аяна же очень расстроилась. Ей было до боли обидно – что же она, глупее всех в классе? Конечно, нет! И тем не менее всех остальных перевели, пусть даже и с натянутыми тройками. Три дня Аяна плакала от того, как несправедливо с ней поступили. А потом пришла к неожиданному выводу – в новом классе все будут на год младше ее, а значит, вряд ли кто-то посмеет что-то ей сказать или уж тем более полезть в драку.

Все лето Аяна с мамой таскались по врачам – пытались понять, что же за странный недуг ее изводит. Безрезультатно. Папа пару раз сводил ее в дацан⁶, но это тоже не помогло. Аяна становилась все более отстраненной и замкнутой. Теперь, когда у нее был тайный друг и собеседник, она совсем перестала общаться с одноклассниками. Те, в свою очередь, побаивались ее и сторонились. Мама пыталась разговорить дочь, водила к психологу и психиатру, но Аяна помнила, что не должна никому рассказывать о Дамдинцэрэне, и всякий раз отмалчивалась или грубила. Подступивший переходный возраст тоже не способствовал желанию чем-то делиться с родителями и врачами.

Так прошло больше года. Аяна с трудом окончила седьмой класс на тройки. Директор настойчиво дала понять Татьяне, что в сентябре ее дочь в школе не ждут. Родители долго и эмоционально обсуждали что-то на кухне, после чего мама объявила Аяне, что они отвезут ее на лето отдохнуть к бабушке в поселок на берегу Байкала. Свежий воздух и купания в холодной воде должны были укрепить иммунитет. Разумеется, они будут навещать ее в выходные...

Аяна сильно испугалась и даже не сразу нашлась, что ответить. Бабушку она последний раз видела в глубоком детстве и почти ее не помнила. Аяна не знала, что произошло между ней и мамой, но в какой-то момент они совсем перестали общаться, даже по телефону. Бабушкино имя никогда не упоминалось, о ней не говорили, а когда Аяна изредка спрашивала про нее из любопытства, родители быстро меняли тему. Теперь же ей предстояло провести с ней все лето.

Зачем только все это нужно? Раньше Аяна все каникулы проводила в городе, в основном дома с книжкой, лишь изредка выходя во двор или куда-то погулять. Даже если мама с папой хотели от нее отдохнуть, они вполне могли отправить ее к папиным родителям, которые жили в паре кварталов и с которыми они часто общались.

⁶ Буддистский храмовый комплекс, монастырь.

Отойдя от шока и осознав ужас своего положения, Аяна в слезах стала умолять оставить ее дома. Мама обнимала, гладила ее по голове, утешала, даже сама немного всплакнула, но в своем решении была непреклонна. Папа, хоть и отводил взгляд, тоже не поддавался на уговоры. Когда Аяна начала кататься по полу и кричать, что никуда не поедет, он молча оделся и вышел из квартиры.

Полдня она попеременно скандалила, умоляла и торговалась. Когда это не помогло – объявила родителям бойкот и заперлась в своей комнате. До самого вечера к ней так никто и не постучался. Дамдинцэрэн также не приходил, как бы сильно она ни зажимивалась и ни звала его под одеялом. Когда в родительской комнате забубнил телевизор, Аяна тихо вышла на кухню, поела прямо со сковородки остывших котлет с пюре и вернулась к себе. Следующий день она вновь провела взаперти, а на третий поняла, что ей уже все равно, ехать или нет, и сдалась.

Выехали рано утром в следующую субботу. Накануне мама с Аяной долго и тщательно собирали чемодан. Помимо одежды, сложили ее незамысловатые детские украшения и немного косметики. Дождавшись, когда мама отвлечется, Аяна сунула в чемодан старую любимую куклу, как талисман. Сложили пакет с книгами, которые задали на лето. Мама отдельно собрала сумку со всякими вкусностями – колбасой, сыром, печеньем. Заодно зачем-то сунула в нее пачку чая, пакет гречки и три банки тушенки. «Неужели у бабушки совсем нет еды?» – удивилась Аяна, но ничего не сказала. С утра мама приготовила ее любимый омлет и сварила какао. Они неспешно позавтракали, папа закинул вещи в багажник их «семерки», и вскоре они уже мчались через пригород по направлению к Байкалу.

За окном тянулся монотонный пейзаж с низкими сопками. После Зырянска дорога стала совсем разбитой, к тому же в салоне, несмотря на открытые окна, сильно пахло бензином. Аяну укачивало, приходилось несколько раз останавливаться, чтобы она отдышалась. Мама успокаивала ее, что осталось недолго, но они продолжали ехать час за часом. Папа почти всю дорогу молчал и, как показалось Аяне, старался не смотреть на них с мамой в зеркало заднего вида.

Наконец, впереди заблестела на солнце бесконечная гладь Байкала. Теперь ехать стало чуть веселее – было на что смотреть в окно. Аяна до этого уже несколько раз видела озеро, но разве можно привыкнуть к его необъятности? Байкал каждый раз поражал своим масштабом. Он казался ей мощным суровым стариком, с неодобрением глядящим на потревоживших его покой крохотных пришельцев в самодвижущейся стальной коробочке.

«Может, и хорошо будет провести лето у озера, – подумала Аяна и немного развеселилась. – Буду ходить на пляж, загорать, читать книжки. Все лучше, чем по врачам».

Через час с небольшим из-за поворота показался небольшой поселок, прижатый к озеру сопками и щеткой смешанного леса. Вдоль озера неровным рядом выстроились аккуратные одноэтажные деревянные домики с разноцветными наличниками и невысокими заборами. Справа на въезде в поселок мелькнул дорожный знак с надписью: «Солнечный». Мама показывала папе дорогу, то и дело трогая волосы, зачесывая их за уши. Аяна поняла, что мама нервничает, и тоже ощутила приступ беспокойства. От волнения у нее скрутило живот, но она решила промолчать и перетерпеть, чтобы не раздражать родителей.

Объезжая колдобины, они проехали мимо магазина и дома культуры и свернули на улицу, шедшую вглубь поселка. Здесь дома были уже несколько иными, все чаще попадались неукрашенные мощные срубы с маленькими окнами-бойницами. Остановились у последней избы, в нескольких десятках метров за которой начинался лес. Она была совсем странной – шестигранник со скатной шиферной крышей. В толстые бревна врезаны небольшие окна, по размеру напоминавшие скорее форточки. Перед невысоким забором стоял высохший и потрескав-

шийся от времени деревянный сэргэ⁷ с повязанным вокруг него выцветшим синим хадаком⁸. Чуть поодаль за домом росла высокая береза.

«Неужели бабушка живет здесь?» – со страхом и удивлением подумала Аяна.

Как бы отвечая на ее немой вопрос, мама сказала ей ждать в машине, вышла, поправила рубашку и направилась к дому. Не успела она дойти до избы, как дверь отворилась и из нее вышла очень низкая пожилая женщина в цветастом платке и красном тэрлиг⁹, поверх которого была накинута жилетка из грубой овчины. Она окинула Татьяну удивленным и брезгливым взглядом. Затем, не сказав ни слова, отвернулась и ушла за дом. Мама на секунду замешкалась, не понимая, что ей делать, но потом собралась с силами и пошла вслед за бабушкой. Прошло уже минут десять, а они все не возвращались. Папа с Аяной молча сидели в машине. У девочки все сильнее болел живот, она чувствовала, что еще чуть-чуть, и она не выдержит. Аяна потрогала папино плечо и тихо сказала:

– Я хочу в туалет.

Папа ничего не ответил и даже не обернулся, только хлопнул солнцезащитным козырьком и, крихтя, поерзал в кресле, словно пытался отогнать летающего над ухом назойливого комара. Аяна решила не спрашивать второй раз и дожидаться возвращения мамы. Сердце быстро отстукивало ритм, и каждый его удар отдавался в животе. Спустя еще несколько бесконечных минут из-за дома наконец появились две женские фигуры. Бабушка зашла в избу, а мама торопливым шагом подошла к машине. Лицо ее было в слезах.

– Ласточка, пойдем скорее, – сказала она.

Папа открыл кнопкой багажник и остался сидеть в машине. Не успела Аяна выбраться с заднего сиденья, как мама начала вытаскивать ее вещи и класть прямо на пыльную траву у обочины дороги. Девочка растерянно наблюдала за ее движениями, словно смотрела какое-то странное кино со своим участием. Покончив с багажом, мама присела на корточки, сжала лицо Аяны ладонями и трижды крепко поцеловала ее в губы.

– Ну все, Аянчик, мы поехали, надо выезжать, чтобы успеть до темноты. Веди себя хорошо, скоро приедем тебя навестить.

Потрепав напоследок волосы Аяны, мама быстро села в машину. «Жигули» резко тронулись, едва она закрыла дверь. Папа так и не вышел попрощаться. Даже не помахал рукой из окна.

Через минуту машина скрылась за поворотом, спустя еще пару секунд осела пыль. Аяна осталась одна на поселковой улице.

* * *

Она ждала, что бабушка поможет ей с вещами, но шли минуты, а из избы все так никто и не выходил. Меж тем в туалет хотелось все сильнее. Аяна оставила чемодан и сумку на улице и с одним рюкзачком подошла к дому и постучалась.

– Заходи! – рявкнули из-за двери.

Аяна осторожно приоткрыла дверь и на цыпочках вошла в крошечную темноту избы. Но через несколько секунд глаза привыкли к темноте, и Аяна стала осматриваться.

Сразу после небольшого предбанника с прибитой над порогом лапой волка начиналась просторная мрачная комната с двумя столбами без каких-либо перегородок. Лишь две узкие кровати, втиснутые в грани дома, были отгорожены старенькими цветастыми шторами. У

⁷ Деревянный столб-коновязь, служащий символом рода у бурят.

⁸ Ритуальный длинный шарф.

⁹ Традиционный костюм монголов и бурят. Летний кафтан с высоким стоячим воротником.

северной стены располагался небольшой алтарь с картинами, изображающими Белого старца¹⁰ и тринадцать северных ноенов, восседающих вокруг Байкала¹¹. Маленькие грязные окна едва пропускали свет, но наверху конусообразной крыши было прорезано тооно¹², к которому неплотно прилегал жестяная труба от печи, и попадающие в эту прорезь солнечные лучи красиво рассеивались по избе-юрте. В центре комнаты стояла маленькая одноконфорочная чугунная печь. Огонь в ней не горел, и, несмотря на солнечную погоду, внутри было прохладно.

«Ничего себе, – удивилась Аяна. – Почему я не помню, как была здесь в детстве? Да и мама не говорила, что выросла в юрте».

Ее раздумья прервал оклик бабушки. Только теперь Аяна заметила, что она сидит у стены на огромном кованом сундуке, на котором нарисованы солнце и луна.

– Чего уставилась? – грубо спросила бабушка на бурятском. – Забыла, как настоящий дом выглядит? Разнежилась в своем городе...

Девочка смущенно молчала.

– Ты хоть помнишь, как меня зовут? – поинтересовалась бабушка с укоризной.

Аяна вдруг с ужасом поняла, что действительно не знает ее имени. Они виделись слишком давно, а дома ее всегда называли бабушкой, так что девочке даже не приходило в голову, что у нее вообще-то есть имя. Аяна покраснела от стыда, молча опустила взгляд и принялась разглядывать щербатый пол юрты. От охватившего ее чувства неловкости ей еще сильнее захотелось в туалет. Слишком много переживаний за какие-то полчаса! В глазах темнело, дрожали ноги, она едва сдерживалась, чтобы не описаться.

– Ну, понятно все с тобой, – махнула бабушка рукой, не дождавшись ответа. – Вот Танька – кукушка! Так торопилась от тебя избавиться, что даже не сказала, как собственную мать зовут. Ну да ладно, ты не виновата, что в такой семье бестолковой родилась. Будем тебя здесь на ноги ставить. Зовут меня Анжилма¹³ Сосоровна, для тебя бабушка Анжилма.

Аяна хотела сказать бабушке что-то вежливое и приятное, но боль в животе не давала ей нормально думать.

– Туалет... срочно... – с трудом произнесла она.

– Ладно, беги. Дело житейское, стесняться тут нечего, – сказала она примиряюще. – Туалет во дворе – найдешь без проблем.

Аяна пробормотала «спасибо» и, бросив рюкзак на пол, побежала прочь избы.

– И кстати, барахло я твое таскать не буду! – раздался за спиной бабушкин окрик.

* * *

Но Аяна этого уже не слышала. Она со всех ног бежала по узкой тропинке к ветхому покосившемуся домику в конце не ухоженного участка. Задержав дыхание, она распахнула распахнувшуюся дверцу. Внутри вопреки ее ожиданиям было чисто и светло и ничем не пахло.

«Ф-фух, еле успела!» – подумала Аяна, быстро стягивая с себя джинсы.

Закончив свои дела, она закрыла лицо руками и заплакала. Выходить из туалета не хотелось – тут можно было хотя бы немного побыть наедине с собой. Зачем она только согласилась поехать к Анжилме? Совсем не так она представляла себе ее дом, да и сама бабушка в мыслях Аяны была скорее персонажем из сказок – доброй, смешливой, угощающей вкусностями.

¹⁰ Белый старец (бур. Сагаан үбгэн) – глава духов – хозяев земли. Также включен в буддистский пантеон. У бурят Белый старец также иногда ассоциируется с Николаем Чудотворцем.

¹¹ Тринадцать северных божеств (небесных ханов), по легенде спустившихся с небес по повелению высших небесных божеств тэнгэри.

¹² Дымовое отверстие в юрте.

¹³ Имя переводится как «владычица» (бурят.).

Теперь же она будет жить в деревянной юрте посреди зарослей крапивы и слушаться сварливую старуху, вызывающую страх, а не симпатию...

Но не просидишь же в темном деревенском туалете вечно? Не хватало еще, чтобы Анжилма ее хватилась и начала кричать на весь участок. К тому же у дороги по-прежнему оставался ее багаж. Поэтому, немного успокоившись, Аяна вытерла слезы и решила покинуть свое временное убежище и вернуться в дом.

Пробираясь по тропинке обратно к дому, Аяна заметила, насколько неухоженным был бабушкин огород. Если бы не характерная форма грядок, можно было бы подумать, что ты идешь через пустырь или поле.

Аяна хотела подойти к своим вещам, оставшимся у входа в юрту, но остановилась на полпути. Возле чемодана и сумки собралась небольшая компания детей: трое мальчиков – двое русских и один бурят – и бурятская девочка. Они побросали велосипеды в траву и с интересом рассматривали лежащие у дороги вещи. Аяна подошла к ребятам.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – ответил худой белобрысый мальчик. – Твои вещи?

– Да.

– А зачем ты их сложила на траве?

– Так я здесь живу. Меня родители привезли на лето, а вещи сложили у дома.

– Это где же ты тут живешь? – осторожно спросил бурят. Девочка, видимо, была его младшей сестрой, поскольку при приближении Аяны спряталась у него за спиной.

– Так вот же, в этом доме. – Аяна указала на избу за своей спиной. – Анжилма Сосоровна – моя бабушка, знаете ее?

Дети молча переглянулись, вскочили на велосипеды и со всех сил бросились прочь. Аяна растерянно проводила их взглядом. Ей вдруг стало очень грустно, бегство ребят словно разрушило ее смутную надежду на то, что три месяца в деревне она хотя бы не будет изгоем. Похоже, ей предстояло вернуться к своей обычной жизни, только вдаль от родителей, компьютера и любимой комнаты. Ну, ничего. Продержаться бы только неделю до следующих выходных, когда родители приедут ее навестить. Как только папа припаркуется, она запрыгнет в машину и не будет вылезать, пока ее не увезут обратно домой. Ну а если же от жизни с бабушкой станет совсем невмоготу, можно всегда попробовать сбежать в город самостоятельно... Кажется, вокзала в поселке нет, но наверняка ходят какие-нибудь автобусы. Правда, непонятно, где достать деньги на билет...

С этими мыслями Аяна взялась за чемодан и волоком потащила его в избу. Все так же сидевшая на сундуке бабушка кивнула в сторону кроватей.

– Спать будешь на той, что слева. Там же можешь свои баулы бросить.

Аяна покорно оттащила свои вещи за штору и теперь стояла возле кровати, не зная, что делать дальше. Бабушка указала пальцем на перевернутое эмалированное ведро в углу.

– Ну и чего ты встала? Пора обед готовить. Иди за водой – колодец в другом конце огорода.

Девочка вновь вышла во двор, нашла чуть покосившийся колодец, открыла дверцу и бросила вниз прикованное к цепи ведро. Через секунду раздался всплеск. Аяна заглянула внутрь – ведро плавало на поверхности как лодка. Пришлось вытаскивать и кидать его еще раз, вверх дном. Теперь ведро зачерпнуло воду, но вытащить его оказалось трудно. Аяна стерла ладони о ручку ворота, пока наконец не подняла его наружу. Осторожно перелив воду в эмалированное ведро, она понесла его домой. Ледяные капли падали ей на ноги, она чувствовала, как стремительно намокали ее кроссовки.

В юрте бабушка вновь принялась командовать внучкой с сундука. Похоже, это было ее любимое место в доме, вроде капитанского мостика. Теперь Аяне предстояло перелить воду в большую кастрюлю и вскипятить. Услышав вопрос внучки про плитку, холодильник и стираль-

ную машину, Анжилма расхохоталась так, что казалось – еще немного, и она упадет с насиженного места и будет кататься по полу.

– Машины свои забудь, пока у меня живешь. Тут электричества нет, – сказала она, вытерев слезы. – Продукты в погребе храним, а захочешь постираться – так же себе воду вскипятишь на огне. Мыло на полке у входа, я брусок в тряпочку завернула, чтобы мыши не сгрызли.

Мыши?! Ну уж нет, теперь она здесь точно не останется. Скорее бы приехали родители и забрали ее отсюда! Стараясь не думать о возможной встрече с мышами, Аяна стала таскать дрова из поленницы в юрту, потом сложила их домиком, как когда-то учил папа, и, переведя полкоробка отсыревших спичек под едкие замечания Анжилмы, смогла-таки развести огонь. Пока варилась гречка, Аяна помыла и нехитрую керамическую посуду. Когда крупа почти доварилась, Аяна вытрясла в кастрюлю банку жирной тушенки. Через минуту ужин был готов.

К этому моменту Аяна так устала и проголодалась, что готова была проглотить все варево вместе с тарелкой. Ужинали молча. Бабушка громко чавкала и кряхтела от удовольствия. Тем не менее благодарности за ужин Аяна не дождалась. Как только ее тарелка опустела, Анжилма встала из-за стола и приказала внучке почистить кастрюлю. Сама же она, переваливаясь, как гусыня, добрела до своего угла, упала на кровать и спустя пару минут захрапела.

Обессиленная от непривычного труда Аяна терла и терла кастрюлю, а та все равно оставалась жирной. «Да ну ее!» – подумала Аяна и решила оставить, как есть, даже если бабушка с утра будет ругаться. Аяна умылась холодной водой из рукомойника, переоделась в пижаму и улеглась на свою новую кровать в обнимку с одноногой куклой.

Все тело болело, голова налилась свинцом, руки по-прежнему пахли тушеночным жиром. Аяна жутко хотела спать, но сон не шел. Ее буквально трясло от бессильной злобы на бабушку.

«Это невозможно! Нет никаких сил! – думала она. – Завтра же сяду на первый автобус, или вообще автостопом уеду, пусть родителям будет стыдно, что меня сюда отправили!»

«*Не кипятись*», – вдруг раздался в голове голос Дамдинцэрэна.

«Дамдин! Родимый! Как же мне тебя не хватало!» – едва не закричала от восторга Аяна.

«А я всегда рядом с тобой. Просто ты пока толком не умеешь меня звать, но не волнуйся, этому ты тоже скоро научишься».

«Обязательно расскажи мне потом, как это сделать. А сейчас мне срочно надо в город. Скажи, где здесь станция? Я еще успею на автобус?»

«Аяна, успокойся, никуда не нужно уезжать. Бабушка на самом деле не злая, просто грубоватая. Она тебе желает добра, поверь».

«Какая же она добрая?! Только и делает, что надо мной издевается!»

«Это просто у нее манера такая, деревенская. Потерпи немного, ты к ней привыкнешь и даже полюбишь. Я надеялся, что у тебя будет чуть больше времени в городе, чтобы ты окрепла внутри... Но, значит, так суждено».

«И что же мне теперь делать?» – недовольно спросила Аяна.

«Смирись и выполняй все, что говорит тебе Анжилма, даже если поначалу будет трудно. Так нужно. Поверь, то, что ты оказалась здесь, – большая удача, твое спасение. Ты поймешь это, просто нужно время».

«Я думала, ты мне поможешь отсюда сбежать, а ты меня только успокаиваешь», – обиженно подумала Аяна. Она ждала, что Дамдинцэрэн станет ее переубеждать, но он молчал.

«Дамдин? Дамдинцэрэн? – позвала она его. Но тот не откликнулся. – Эх, надо было сразу спросить, как его вызывать. Теперь неизвестно, когда вернется. А мне тут и поговорить-то не с кем».

Аяна тихонько заплакала от обиды на Дамдинцэрэна и жалости к себе. Станным образом это помогло ей расслабиться. В печи потрескивали угли, тяжелое ватное одеяло обнимало ее своим весом. В темноте казалось, что и не было вовсе сегодняшних переживаний и приклю-

чений. Будто она просто приехала с родителями погостить к бабушке на дачу. Завтра Аяна проснется, родители погрузят вещи в машину, и они все вместе поедут домой. Убаюкивая себя этими мыслями, Аяна вскоре погрузилась в сон.

Глава 3

«До Норильска группа Кочетова добиралась по воздуху. Ли-2 высадил их на полосе и уехал на дозаправку перед следующим рейсом. Вокруг простиралась бескрайняя плоская тундра, покрытая скромной северной растительностью. Вдалеке чернели низкие сопки. Геоологи разминали затекившие спины, предвкушая ночлег в гостинице после нескольких суток в пути.

– Постарайтесь как следует выспаться, – сказал Кочетов, закидывая на спину станковый рюкзак. – Завтра рано утром выдвигаемся на Гидропорт, оттуда на лодке до озера Лама, дальше пешком. В следующий раз мы кровати увидим через пару месяцев, не раньше. А сейчас – пойдемте, нас уже ждет Карманов...»

А. Шаров. Страна девяти рек.

Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1963

Реальность ворвалась в ее жизнь с первыми лучами солнца. Не успел допеть свою песню соседский петух, как бабушка с ворчанием начала крутиться возле Аяны. У нее для внучки был расписан фронт работ на несколько недель вперед, нельзя было терять ни минуты. И когда только она успела столько всего придумать? Ведь еще вчера не знала, что приедет к ней такая помощница.

После завтрака, состоявшего из чая с сахаром и колбасы с нашедшимися в доме старыми галетами, бабушка наказала девочке сходить в поселковую лавку за продуктами, а на обратном пути зайти к некой соседке, тете Наде, взять молока и яиц. Анжилма вручила Аяне деньги, старую кожаную индийскую сумку, железный бидон и жестом обозначила примерное направление пути.

– Тут улица считай одна, не заблудишься, – сказала она и улеглась на сундуке.

Аяна никогда раньше не ходила так далеко одна. Только в школу и продуктовый, который был в соседнем доме. Да и где этот магазин и тетя Надя? Аяна смутно помнила, как накануне они проезжали мимо продуктового на машине, но это было так быстро, к тому же мысли у нее были заняты совсем другим...

Набравшись смелости, она вышла на неасфальтированную дорогу, упиравшуюся в бабушкин дом. По выцветшей табличке Аяна узнала, что улица называлась Лесной. Над головой висело тяжелое, затянутое серыми тучами небо. На улице, как назло, не было ни души, только низкие домики разной сохранности, с наглухо зашторенными окнами да поросшие крапивой заборы. Аяна чувствовала себя неудобно, то и дело озираясь. На всякий случай тихонько воззвала про себя к Дамдинцэрэну и не получила ответа. В непривычной глухой тишине принимались было лаять собаки, но быстро замолкали, словно им уже давно не о чем было друг с другом говорить и уж тем более – ругаться.

Минут через пятнадцать ходьбы бабушкина улица влилась в другую улицу, побольше, здесь уже стояли основательные дома с палисадниками. За ними, чуть в стороне, виднелся район двухэтажных панелек. В этой части поселка звуков было гораздо больше, до Аяны доносились обрывки чьих-то разговоров, играющих по радио песен и глухого телевизионного бубнежа. Кое-где в огородах виднелись копающиеся в земле люди. У домов стояли «Нивы», «Лады» и даже один джип-иномарка. Эти признаки окружающей жизни немного успокоили Аяну, она пошла дальше быстрее и увереннее.

Вскоре улица закончилась, и она оказалась на небольшой площади, ограниченной с двух сторон магазином и Домом культуры, похожим на чью-то большую дачу: первый его этаж был кирпичным, отделанным бежевой штукатуркой, а второй деревянным, с небольшим заколоченным окном. Рядом с магазином крутилась стайка ребят на велосипедах, но они так быстро

собрались и уехали, что Аяна не успела толком разглядеть, были ли среди них ее вчерашние знакомцы. Она не знала, связано ли стремительное бегство детей с ее появлением, но все равно расстроилась – еще один день без общения со сверстниками. Правда, почти тут же она заметила кое-что, быстро отогнавшее тягостные мысли об одиночестве – чуть в стороне от ДК стоял покосившийся столб автобусной остановки. Возле него на скамейке сидела очень старая бабушка в выцветшем ситцевом платье и бесшумно шевелила нижней беззубой челюстью, словно перетирала деснами хлебный мякиш. Аяна поспешила к остановке. Щит с расписанием был разрисован, расцарапан и закопчен зажигалками, так что невозможно было прочесть, что написано.

– Вы ждете автобус? – спросила она у бабушки.

– Нет, не жду, – прошамкала старушка.

– А не знаете, когда он ходит?

– Тебе зачем, девочка?

– Мама просила узнать, ей в Улан-Удэ нужно, – мгновенно соврала Аяна.

– В пять вечера будет.

– А утром тоже ходит?

– Утром в семь. Это что же за мама у тебя такая, не знает, когда ей в город нужно? – удивилась старушка.

– Да нет, знает. Она просто у меня рассеянная, я на всякий случай спросила, вдруг вечерний автобус пропустит. Спасибо большое!

Аяна поспешила отойти от старушки, чтобы избежать дополнительных вопросов.

«Два раза в день, ну что же, совсем неплохо! – подумала она, и на сердце как-то сразу полегчало. По крайней мере, теперь у нее был четкий план, на случай если понадобится сбежать. – Вечером можно выйти за водой или за дровами и добежать до остановки, бабушка вряд ли за мной угонится, она из дому-то толком не выходит».

В приподнятом настроении Аяна зашла в магазин. Несмотря на скромный по городским меркам размер, в нем было все, что нужно. По совету бабушки, она купила батон белого хлеба, килограмм макарон, муку, по пачке гречки и перловки, две банки тушенки, колбасу и упаковку комсомольских пряников. Все это добро едва уместилось в сумку, которая стала неподъемной. Продавщица пересчитала выданные Анжилмой купюры, высыпала Аяне в ладонь сдачу и сочувственно поинтересовалась, унесет ли она все самостоятельно. Аяна ответила, что справится, и хотела уже уйти, но потом остановилась и попросила дать ей в довесок эскимо. Изначально она собиралась припрятать сдачу, чтобы заплатить за автобус, но теперь решила, что оставшейся небольшой суммы все равно не хватит на билет, а значит, лучше уж порадовать себя чем-нибудь вкусным. К тому же в такой хороший день идти обратно в юрту к ворчливой бабушке Анжилме совсем не хотелось.

Аяна спрятала мороженое в бидон, вышла на площадь и пошла в сторону Байкала, призывно синевшего в конце соседней улицы. Озеро оказалось дальше, чем она предполагала. Когда Аяна наконец дошла до пляжа, рука, в которой она тащила сумку, буквально отваливалась, а вся одежда была мокрой от пота. На берегу было довольнолюдно – несколько компаний жарило шашлыки, сопровождая свой отдых веселым матерком и музыкой из припаркованных рядом автомобилей. Неподалеку в кустах отдыхал мужчина с морщинистым темным лицом, одетый в засаленный и помятый серый костюм. Рядом с ним аккуратно стояли стоптанные кеды. Аяна подумала, что наверняка он лежит так еще с субботнего вечера и, возможно, ему нужна помощь, но побоялась подойти. Впрочем, мужчина вдруг резко повернулся на другой бок и захрапел, так что стало понятно, что о его здоровье можно не беспокоиться.

Аяна прошла дальше и, обнаружив на пляже относительно уединенное, тихое место, села на песок и открыла мороженое. Оно успело немного подтаять, поэтому девочка сначала акку-

ратно выпила жидкость из пакетика, а потом, пачкая пальцы, доела оставшуюся прохладную массу из сливок и шоколада.

Чуть в стороне противно кричали чайки, дерущиеся за рыбу и объедки шашлыков. Аяна лежала на песке и грелась в лучах солнца. Под расчистившимся синим небом Байкал казался теперь добрым другом, а не угрюмым стариком, как еще пару минут назад. Бескрайняя водная гладь ослепительно блестела, мягкие волны наползали на песок и уползали обратно. Аяна никогда не была на море, но ей казалось, что оно выглядит именно так. Хотелось искупаться, но вода еще слишком холодная. Хорошо, если прогреется хотя бы на пару недель в июле.

Над водой низко летела белая птица. Казалось, что никто из отдыхающих у озера не обращал на нее внимания. Аяна же, наоборот, застыла, завороченная грациозностью птичьего полета. Когда птица подлетела ближе, она смогла разглядеть, что это лебедь. Он бесшумно парил над Байкалом, плавно взмахивая крыльями в такт волнам. Поравнявшись с Аяной, лебедь вдруг повернул голову в ее сторону. Их разделяло несколько десятков метров, но девочка почувствовала, что птица пристально смотрит на нее. Аяне стало неуютно. Наверняка Анжилма уже ее заждалась. Может быть, даже отправилась искать. Аяна посмотрела на свои розовые электронные часы – с момента ее ухода прошло уже почти два часа. А ведь ей еще предстояло зайти за молоком к соседке! Аяна быстро вскочила на ноги, отряхнула песок с одежды, схватила сумку с бидоном и поспешила в сторону дома. Если она быстро найдет соседку и все у нее купит, возможно, получится избежать бабушкиного гнева. В конце концов, она всегда может сказать, что заблудилась по дороге.

Нужный дом никак не хотел показываться ей на глаза. Правая рука онемела от тяжести трещавшей по швам индийской сумки. Вдруг в зарослях смородины и рябины возник одноэтажный зеленый домик. Аяна осторожно приоткрыла калитку и вошла на участок. К дому вела тропинка, вымощенная разномастными плитами, камнями, предметами – словом, всем, что попало под руку. В одном месте даже был закопан старый противень из духовки. Аяна направилась дальше вглубь сада. Здесь чахли низкие яблони, а сразу за ними начинались грядки. В конце участка было что-то вроде большого, криво сколоченного сарая.

«Там, наверное, живут козы», – подумала Аяна.

– Девочка, тебе чего? – окликнул вдруг ее голос из-за спины.

Аяна от неожиданности даже выронила бидон, он со звоном покатился по земле. Она обернулась – на скамейке, приделанной к задней стене дома, сидела босая женщина лет пятидесяти в грязных джинсах и темном свитере с горлом. На голове у нее был повязан мужской носовой платок. Женщина выглядела очень уставшей, Аяна подумала, что наверняка прервала ее дневной сон.

– Тебя за молоком, что ли, послали? – спросила хозяйка дома, не дождавшись ответа. – Поздно зашла, я уже все продала. Приходи завтра с утра пораньше.

«Похоже, взбучки все-таки не миновать...» – с грустью подумала Аяна. Она молча подняла бидон и собиралась было уйти, когда Надежда вновь окликнула ее.

– А ты чьих вообще будешь? Я тебя здесь раньше не видела. На лето к кому-то приехала?

– Да, к бабушке Анжилме. Это она меня к вам послала.

Женщина мигом очнулась от дневной дремоты.

– В смысле Анжилма? Та самая? – спросила она тихо. На лице ее застыло выражение удивления и испуга.

Аяна замялась, не зная, что ответить.

– Ну, которая живет здесь, неподалеку, у леса. У нее еще дом такой, то ли изба, то ли юрта, может, знаете?

– Знаю, конечно... Кто же Анжилму не знает. Погоди-ка чуток.

Надежда вскочила со скамейки, взяла у Аяны бидон и быстро юркнула в дом. Через пару минут она вернула его уже наполненным, а заодно протянула Аяне пакетик с десятком яиц и каким-то брусочком, завернутым в льняную тряпочку.

– Это масло, – сказала она. – Постарайся поскорее до дома донести, чтобы не растаяло.

Аяна удивилась такому внезапному появлению продуктов, но ничего не сказала. Она поблагодарила Надежду и протянула ей две сотенных купюры. Однако женщина отказалась брать деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.